

ДЖАТАКА О ЛЕБЕДЕ

Злые неспособны следовать поведению добродетельных, даже впавших в несчастье, а тем более пребывающих в благополучии.

Вот как об этом повествуется.

Некогда Бодхисаттва был царем лебедей. Он повелевал огромной стаей лебедей числом в несколько сот тысяч на большом озере Манаса¹ и носил имя Дхритараштра. У него был военачальник, ум которого был изощрен в знании того, что есть правильное и что неправильное правление; он отличался также своей выдающейся памятью. Являясь красой славного рода, он был украшен талантом, обходительностью и скромностью; он был настойчив, отличался чистотой своего поведения, образа жизни, поступков, а также своим мужеством; легко преодолевая усталость, он был предусмотрителен и искусен в ведении военных действий. За свою глубокую преданность господину он получил имя Сумукха. Оба они опирались на взаимную любовь, и их силы сияли от этого еще ярче; и подобно тому, как учитель с помощью лучшего ученика наставляет остальных учеников или как отец со своим старшим сыном - остальных детей, так наставляли и они надлежащим образом эту стаю лебедей в делах, направленных к общему благу и безопасности, и возбуждали величайшее удивление среди наблюдавших это богов, нагов, якшей и видьядхаров.

1. Одно лишь дело занимало их обоих: то поддержанье счастья всех лебедей их стаи, как крылья заняты одним лишь делом - летящей в небе птицы поддержаньем.

И вот благодаря их заботам эта стая лебедей, как мир - благодаря распространению процветания и праведности,- достигла величайшего благополучия, и потому их озеро приобрело еще большую прелесть.

2. Приятны были крики этих лебедей, как звон колец у женщин на ногах, и ими озеро блистало, как будто было лесом движущихся белых лотосов покрыто.

3. Где рассыпались птицы друг от друга далеко, а где соединялись в стаи, и с ними озеро красу небес превосходило, украшенных рассеянными всюду облаками.

И, глубоко изумленные поразительною силою добродетелей этого царя лебедей, стремившегося к благу всех существ, и Сумукхи, его военачальника, толпы сиддхов, риши, видьядхаров и божеств повсюду наслаждались рассказами о славе их обоих.

4. Их дивные тела как будто бы из золота отлиты; и речь членораздельна и понятна, и добродетелью порождены их праведная жизнь и мудрое прааленье; кто же они такие - по внешности ведь только лебеди!

5. И в силу славных добродетелей, свободных даже от зависти людской, их слава всюду разносилась; доверье встретила она такое, что и в собраниях царей ценилась как подарок.

В это время в Бенаресе был царь по имени Брахмадатта². Он не раз в собрании слышал этот рассказ о поразительных добродетелях царя лебедей и его военачальника от достойных доверия советников и старейших брахманов, перевозносивших их; и в нем возникло сильное желание их увидеть. Он обратился к советникам, ум которых был изощрен изучением многих наук: «Пустите в ход всю изощренность ваших умов, чтобы найти какое-либо средство, с помощью которого предстали бы пред нашими глазами эти прекраснейшие лебеди». И тогда советники, направив всю силу своих умов по пути жизненной мудрости, сказали царю:

6. «На счастье надежда существа повсюду увлекает, о государь; быть может, слух о качествах высоких, сулящих счастье, сюда их привлечет. Поэтому пусть повелит государь устроить здесь в какой-нибудь лесной местности озеро, превосходящее своею красотой то озеро, на котором, как рассказывают, обитают оба эти прекрасных лебедя; пусть, кроме того, ежедневно провозглашают дарование безопасности всем пернатым. Быть может, слух о достоинствах озера, сулящих счастье, вызовет у них любопытство и привлечет их сюда. Пойми же, о государь, ведь

7. Счастье обычно, от достижения утратив привлекательность, не замечается людьми, а удаленное от глаз, приятное нам лишь по слуху, влечет к себе сердца».

И царь, сказав: «Да будет так!» - повелел в кратчайший срок устроить не очень близко от пригородных рощ восхитительное большое озеро с совершенно прозрачной водой, богатством своих высоких достоинств спорившее с озером Манаса. Различные виды лотосов - падма, угнала, кумуда, пундарика, саугандхика, тамараса, кахлара3 - обнимали его воды.

8. Деревья, скрытые в цветах своих, прекраснolistные и колыхавшие блестящими ветвями, росли по берегам повсюду, как бы любясь озером чудесным.

9. Роились пчелы в воздухе: их лотосы влекли, что на волнах колеблющихся колыхались и словно улыбались.

10. Ласкаемые лунным светом, те лотосы чудесные не спали; казалось, это были света лунного кусочки, деревьев в тенью окруженные.

11. Пыльца прекрасных лотосов и лилий водяных, отброшенная к берегу как будто пальчиками волн, украсила все побережье нитью золотой.

12. Поверхность озера была покрыта прекрасных лилий водяных и лотосов тычинками и лепестками,- как будто подношение великой красоте они свершали.

13. И так была вода спокойна и чиста, что ясно в ней виднелись очертанья и окраска рыбьих стай, как будто в воздухе носящихся, то озеро собою украшавших.

14. Как нити жемчуга, сверкали, взлетая в воздух, там из хоботов слонов воды фонтаны: казалось, волны то, о скалы ударяясь, в пыль рассыпались.

15. Мадой слонов, пылью цветочной, а также от омовений жен видьядхаров благоухал прекрасный водоем;

16. Казалось, это было зеркало большое всех звезд, жен месяца; и суета веселых птичек, их щебетанье наполняли воздух.

Приказав устроить такое озеро и предоставив его в неограниченное пользование всего рода пернатых, чтобы они могли там наслаждаться, царь повелел ежедневно для привлечения доверия птиц возглашать о даровании им безопасности в таких словах:

17. «Вот это озеро, вода которого покрыта лотосами и водяными лилиями, дарует царь пернатым и с радостью дарует безопасность им».

И однажды, когда с небес была сброшена темная завеса облаков и они показались во всей своей красе, разукрашенные осенью; когда озера чаровали взоры своей прозрачною водой и украсились лесом проснувшихся цветов лотоса, а месяц, достигнув наивысшей красоты юности, словно рассыпал во все стороны свои лучи; когда земля украсилась целым морем различных знаков и начались встречи молодых лебедей,- одна пара лебедей с озера Манаса, отделившись от

той стаи лебедей и пролетая одну за другою чужие страны, украшенные осенью, прилетела в страну того царя. И там они увидели это озеро, оглашавшееся криками птичьих стай; рои пчел носились над ним; оно благоухало от пыльцы водяных лилий и лотосов, разносимой во все стороны приятно прохладными, нежными дуновениями ветерка, который чуть-чуть колебал гирлянду волн; озеро словно пылало распустившимися водяными лилиями и улыбалось раскрывшимися цветами ночного лотоса. И хоть эта пара лебедей и привыкла к озеру Манаса, однако, когда они увидели восхитительную красоту этого озера, у них явилась мысль: «Вся наша стая должна перелететь сюда».

18. Обычно так ведь у людей бывает: когда они достигнут блага, всем доступного, их память по внушению любви всех прежде обращается к друзьям.

И вот эта пара лебедей провела там время в удовольствиях, как ей хотелось; а когда началось время дождей и стали надвигаться, подобно полчищам дайтев, громады туч, неся тьму, хоть и не очень густую, так как ее, словно метательное оружие, прорезали сверкающие молнии; когда стали плясать стаи прекрасных павлинов, широко раскрывавших чудные перья своих хвостов и издававших громкие радостные клики, словно радуясь победе облаков; когда начали громче щебетать маленькие птички; когда приятное свежее дуновение ветерка, словно дыхание леса, наполнилось благоуханием цветов кадамба, сарджа, арджуна и кетака; когда стаи молодых журавлей стали виднеться, как ряд белых зубов на фоне облаков, и стаи лебедей преисполнились стремленьем улететь и от этого желания испускали слабые нежные крики, в это время та пара лебедей вернулась на озеро Манаса. Приблизившись к повелителю лебедей и поведав о чужих краях, они стали описывать исключительные достоинства нового озера:

«Есть, о государь, к югу от Гималаев в Бенаресе царь по имени Брахмадатта. Поразительного, дивного вида и красоты, неописуемых достоинств и великолепия большое озеро даровано им в распоряжение пернатых, чтобы они наслаждались как хотели, и ежедневно там объявляется об их безопасности. И птицы развлекаются там без страха и опасений, как у себя дома. Посему да благоволит царь, когда минет время дождей, отправиться туда».

Услышав это, все лебеди почувствовали сильное желание увидеть это озеро. И Бодхисаттва, вопросительно посмотрев на своего военачальника Сумукху, промолвил: «Как ты смотришь на это?» Сумукха, поклонившись ему, сказал:

«Я полагаю, не следует государю отправляться туда. Эти соблазнительные восхитительные красоты являются только приманкою; с другой же стороны, у нас здесь нет недостатка ни в чем. Ведь сердца людей прикрывают свою низость деланно приятным обхождением и речами; по большей части они фальшивы и под нежным состраданием скрывают коварство. Посмотри, о мой повелитель!

19. Животные и птицы что держат в сердце, то и криком выражают; лишь люди могут говорить не то, что думают.

20. Их речь сладка, изящна, безупречна, ведь и купцы готовы на издержки в надежде прибыль получить!

21. Поэтому-то им за эти свойства, государь, доверия оказывать не должно: не может быть благополучным даже ради достижения цели этот опасный, ложный путь!

Если же действительно необходимо отправиться туда, то, насладившись сладостью дивных красот этого озера, нам там долго оставаться не следует, а о поселении там нельзя допускать и мысли - таково мое мнение».

Но Бодхисаттва, настойчиво упрасиваемый своей лебединой стаей, в которой чрезвычайно возросло желание видеть Бенаресское озеро, снизойдя на просьбы лебедей, в одну осеннюю ночь, украшенную звездами, созвездиями и яркой луной, отправился в путь, окруженный великой стаей лебедей во главе с Сумукхой, как месяц, окруженный толпой осенних облаков.

22. Увидев прелесть озера, они пришли в восторг и изумление; когда ж они, прекрасные, очаровательными группами спустились на воду, то с озера красой сравнялись.

23. И так как озеро прекрасней было по местоположенью своему чудесному, чем Манаса, то всеми мыслями своими лебеди к нему и привязались, и в мыслях Манаса у них не долго оставалось⁴.

Слушая, как объявляется о безопасности, и наблюдая полную свободу живущих на озере птиц, видя дивную красоту озера, лебеди радовались всем сердцем, и, наслаждаясь как бы прогулку в увеселительном саду, они дошли до крайних пределов радости. Между тем люди, приставленные к этому пруду, известили царя о прибытии туда этих двух лебедей: «Появились, о государь, на нашем озере лебеди, обладающие такой же красотой и достоинствами, как и те дивные лебеди, о которых рассказывают; их крылья светлы и блещут, как золото; красота их ног и клюва своим блеском превосходит золото, величина их стройных тел превосходит обычную, они окружены несколькими сотнями тысяч лебедей; они явились словно с тем, чтобы украсить государево озеро». И царь, выбрав из своих птицеловов одного, пользовавшегося великою славой за свое искусство в ловле птиц, возложил на него почетное поручение - поймать этих лебедей. Тот, ответив: «Слушаю!» - и выведав надлежащим образом, где плавали и отдыхали те двое лебедей, расставил в разных местах крепкие, хорошо скрытые сети, И меж тем как лебеди, доверившись обещаниям и не боясь опасности, плавали и бродили всюду, возбужденные глубокой радостью, Бодхисаттва, царь лебедей, попал лапою в сеть.

24. Всех тех, кто страх перед опасностью забыл благодаря людей поступкам хитрым, внушающим к себе доверье, приводит к гибели доверчивость слепая, из-за которой возникает беззаботность. Меж тем Бодхисаттва с мыслью: «Да не постигнет здесь подобное же несчастье, еще кого-нибудь другого» - известил особого рода криком об опасности озера. И лебеди, глубоко пораженные пленением своего царя, с беспорядочными, нестройными криками страха, не заботясь друг о друге, словно воины, у которых убит великий вождь, взлетели к небу. Сумукха же, военачальник лебедей, не покинул своего царя.

25. Сердца друзей, что связаны любовью, не помышляют об опасности, грозящей жизни собственной: опасности им тяжелее скорбь от муки злой их друга.

И Бодхисаттва обратился к нему:

26. «Иди, иди ж, Сумукха, тебе не следует здесь медлить! Как можешь оказать ты помощь мне, когда в подобном положении сам я оказался?»

Сумукха сказал:

27. «Не несомненна смерть моя, если останусь здесь; если ж уйду, то не избежну старости, бессмертья не достигну; я в счастья тебе служил всегда, и впавшего в несчастье, о высокий повелитель, как мог бы я тебя оставить?»

28. А если только для спасенья жизни собственной тебя оставлю я, о царь пернатых, то от потоков порицания что меня укроет?

29. Закона нет такого, великий царь, чтоб я способен был тебя покинуть в злом твоём несчастье; каков бы путь твой ни был - он н меня влечет, о повелитель тех, кто воздух рассекает!»

Бодхисаттва сказал:

30. «Какая же судьба иная, как не кухня, того постигнет, кто попался в сети? И как она могла б привлечь тебя, свободную и здравомыслящую птицу?!

31. Какую ж пользу видишь ты для самого себя, иль для меня, иль для родных всех остальных в совместной нашей смерти?

32. Где же туг польза? Я ее не вижу, как в темноте неровное от ровного не отличить. В подобном положении жизнь отдавая, какую цель имеешь ты в виду?»

Сумукха сказал:

33. «О, как же ты, прекраснейший из лебедей, в святом законе пользы сам не видишь? Закон ведь, почитаемый как должно, приносит пользу наивысшую всем людям!

34. Я вижу и закон, и пользу, что вытекает из закона. С тобой, высокий повелитель, любовью связанный, сам не стремлюсь я к жизни!»

Бодхисаттва сказал:

35. «Поистине, закон то добродетельных, что друг в несчастье не должен друга покидать; и, для спасенья жизни закон сей помня,

36. Почтил и ты святой закон, любовь ко мне ты проявил; теперь мою последнюю исполни просьбу: уйди - на то даю тебе соизволение!

37. Теперь, когда подобное случилось, что наши други-лебеди меня лишились, тобой, о мудростию одаренный, да будет же восполнена утрата!»

38. Меж тем как от любви взаимной они друг с другом говорили так, нишадец показался, как будто воплощение смерти к ним явилось.

И оба дивных лебеда, увидев приближающегося нишадца, замолчали. А он, увидев, что лебединая стая улетела, подумал: «Должно быть, кто-нибудь попался там» - и, обходя одно за другим места, где были расставлены сети, увидел тех чудных лебедей. Глубоко пораженный их видом и красотой, он, думая, что оба они пойманы, стал поднимать сети. И, увидев, что один пойман, а другой, не пойманный и совершенно здоровый, сидит возле него, он еще более изумился в сердце своем и, приблизившись к Сумукхе, обратился к нему:

39. «Ну, эта птица сетью крепкой лишена свободы двигаться, и в воздух потому она не поднялась, когда я к ней стал подходить.

40. Но ты ж не пойман и здоров, твоя из перьев колесница ведь готова, ты силен, так почему, хотя я подошел так близко, ты не взлетел поспешно в небеса?»

То услышав, Сумукха, ясно разделяя слоги и слова, мужественным голосом, исполненным твердости и выразившим его природу, так обратился к нему на человеческом языке:

41. «Тому причиною, что, силу и возможность не утратив, не уйду я, то, что птица эта здесь на муку в сеть попалась.

42. Ее ты сетью крепкой за ногу поймал; я добродетелями к сердцу этой птицы привязан крепче всех сетей».

И сердце нишадца исполнилось величайшего изумления, от которого у него даже зашевелились волоски на всем теле, и он снова обратился к Сумукхе:

43. «Другие лебеди, меня страшась, ведь в небеса взвились, его оставив, но ты его не покидаешь. Кто ж эта птица для тебя?»

Сумукха сказал:

44. «То государь мой, жизни равный друг и счастья податель, и он в несчастье находится; я не могу его покинуть, хотя бы для спасенья своей жизни!»

И Сумукха, увидев, что сердце нишадца склонилось к изумлению и умилению, снова обратился к нему:

45. «О, если бы беседа наша, мой друг, могла иметь исход счастливый! О, если б ты, нас отпустив, сегодня тем святую славу приобрел!»

Нишадец сказал:

46. «Я не желаю ала тебе, и ты не пойман мной, так улетай, куда ты хочешь сам; смотри ты на родных, порадуй их!»

Сумукха сказал:

47. «О, если зла ты не желаешь мне, тогда мою исполни просьбу, и если ты одной лишь птицей удовлетворишься можешь, то отпусти его, возьми меня!

48. По росту и величине мы схожи, а также и по возрасту равны; возьми меня, как выкуп за него; своей награды ты не потеряешь!

49. Поэтому ты рассуди, как должно, и жадность да родится в твоей душе ко мне! Меня сперва свяжи ты, а потом владыку птиц освободи!

50. Такой же будет и твоя награда, и просьбу ты мою исполнишь; а стае лебедей то радость будет, и их приязнь приобретешь ты.

51. Тогда увидят пусть обрадованные стаи лебедей их предводителя, тобой освобожденного, сияющего в чистом небе, как повелитель звезд, отпущенный владыкой дайтьев».

И нишадец, хотя его сердце очерствело от постоянного проявления жестокости, был поражен в самое сердце этими его словами, свидетельствующими о пренебрежении к жизни, сиявшими любовью к господину, сильными своей высокой благородностью, украшенными твердостью и приятностью. Проникнутый изумлением и глубоким почтением, он, почтительно сложив свои руки, сказал Сумукхе:

«Хорошо, хорошо, о высокоблаженный!

52. И для людей и для богов такая добродетель чудо, которую ты проявил сейчас, для господина жизнью жертвуя!

53. Поэтому я твоего царя с почтением великим отпускаю; ему, который для тебя приятней жизни, кто неприятное бы сделать мог?»

Промолвив так, нишадец, невзирая на повеление царя, проявляя высокое почтение к владыке лебедей и проникнувшись состраданием, выпустил его из сети. Тогда Сумукха, военачальник, сердце которого было исполнено величайшего ликования вследствие освобождения царя лебедей, с радостью и любовью взирая на нишадца, сказал ему:

54. «О утешение друзей! Как я тобой утешен был сегодня освобождением лебедей царя, так много тысяч лет тебя пусть утешает толпа друзей, родных, о друг мой!

55. Так пусть бесплодным же не будет труд твой этот! Ты, взяв меня и лебедей владыку, здоровых и несвязанных, обоих во дворец представь царю.

56. И, несомненно, царь твой, владыку лебедей с советником его увидев, в великой радости пожалует тебе, мечты все превзойдя твои, премного денег, которые твою умножат радость».

И нишадец подумал: «По его неотступному желанию пусть же увидит царь эту поразительно прекрасную пару лебедей» - и, освободив чудесных этих птиц из силка, он представил их обоим, невредимых и несвязанных, царю, произнеся:

57. «Подарок дивный этот осмотреть благоволи, великий государь: с военачальником своим сюда мной приведен царь лебедей прекрасный».

И царь, с сердцем, преисполненным великой радостью и удивленьем, посмотрев на тех лебедей, прекрасных, как два больших слитка золота, чарующе блиставших своею красотой, сказал нишадцу:

58. «Мне расскажи подробно: каким путем к тебе попали в руки птицы эти, неповрежденные, несвязанные обе, хотя лишь по земле ходить способен ты?»

Услышав это, нишадец, поклонившись царю, сказал:

59. «Расставил много крепких я сетей для птиц повсюду, где они играют, в озерах и прудах.

60. Тогда доверчиво, без опасения, прекрасный этот лебедь, бродя по берегу, ногой попался в сеть, которая была там скрыта мною.

61. А этот лебедь, несвязанный, подсев к тому, меня просить принялся его освободить и самого себя как выкуп предлагал за жизнь владыки лебедей.

62. Своею жизнью жертвуя охотно, с настойчивою просьбой обратился он ко мне словами человеческими, в которых ясен и приятен каждый слог.

63. Его тем словом дивным и твердым поведением его на благо господина так умилен я был, что выпустил его владыку с жестокостью моею вместе.

64. И птиц царя освобождением обрадован был он глубоко! Различными приятными словами меня он побуждал к тебе с собой явиться, чтобы мой труд из-за бесплодности его тяжелым не был.

65. Таким-то образом, закону правды преданный глубоко, носящий облик птицы, кто б ни был он, в мгновение одно в моей душе он даже мягкость пробудил. Птиц повелителя освобождение помня и обо мне радея, с владыкой лебедей явился сам сюда он во дворец».

Услышав это, царь, обрадованный и пораженный всем сердцем, предложил царю лебедей золотое сидение, достойное быть тронем царя; его ножки, дивно прекрасные, сверкали блеском различных драгоценных камней; оно было покрыто дивным покрывалом; роскошные покойные подушки пышно лежали на нем; внизу у него было удобное подножие для ног. Достойное служить первому советнику тростниковое сидение было предложено Сумукхе. И Бодхисаттва, помыслив: «Теперь время обратиться с дружеским приветствием», своим приятным, как звон колец на ногах у женщин, голосом обратился к царю:

66. «Сияния и прелести вместилище твое есть тело! Все ли в нем здорово, скажи, о здравия достойный? Здорово ли и тело добродетелей твоих, и дышит ли оно, как должно, вздохами могучими речей, деяний?»

67. И посвятил ли ты себя защите подданных своих, во благовремение им расточая милости и наказанья? Преумножаешь ли ты этим славы блеск, любовь всего живого и добро?»

68. С советниками, не причастными к обману по чистоте своей, искусными в делах и преданными долгу, ты размышляешь ли о благе подданных твоих, и от сего не отвращен ли ум твой?»

69. Когда твоим правленьем мудрым и доблестью твоей лишены величия соседние цари к тебе с мольбами обращаются, являешь ли ты состраданья красоту, а не пренебрежение к доверью?»

70. Твои поступки, с благим, приятным и полезным не стоящие в противоречье, высокомужественный муж, всем добродетельным любезны ль? Распространяются ль они повсюду успехом славы? Врагами воздыхающими им наносится ли вред?»

И царь, в своей радости проявляя чистоту своих чувств, сказал ему в ответ на это:

71. «Сегодня у меня благополучье полное, о лебедь, и так всегда и будет: ведь встретился я с добродетельным, чего давно желал!»

72. Когда ты в сеть попался, то в легкомыслии своем и в буйной радости не причинил ли своей суровой властью этот птицелов тебе мучений?»

73. Случается ведь так, что этих подлых ум, великой радостью смущенный, впадает даже в грех, когда постигнет птиц несчастье».

Бодхисаттва сказал:

74. «Благополучие меня не оставляло, великий: царь, и в час постигнувшей меня беды; и этот птицелов ни в чем не проявил себя по отношению к нам как враг.

75. Свободного, но связанного будто любовью ко мне Сумукху увидав, к нему он с ласковою речью обратился, удивления и любопытства полный.

76. От ласковых Сумукхи слов его смягчилось сердце, меня он выпустил из сети, с учтивостью воздав почтение мне.

77. И потому Сумукха, добра ему желая, склонился к мысли, что сюда отправиться нам должно и что ему на счастье это будет».

Царь сказал:

78. «Желали страстно мы прибыть вашего. Привет вам здесь! Я в высочайшей степени обрадован сим праздником - вас видеть!»

79. А этот птицелов-нишадец великую награду сегодня от меня получит: добро вам сотворив обоим, он сам добра достоин!»

Так промолвив, царь, пожаловав нишадцу великий денежный дар, снова сказал царю лебедей:

80. «В сей вам принадлежащий дом прибыв, оставьте здесь при мне стеснения всякие; чем угодить могу я вам и как, сказать благоволите: ведь с вами общие богатства у меня!»

81. Лишенною боязни речью и откровенными словами богатому друг доставляет удовлетворенье, подобного которому тот не достигнет богатствами своими; великое благодеянье - откровенность среди друзей!»

И царь, любопытствуя всем сердцем побеседовать с Сумукхой и с удивлением устремив свой взор на него, сказал:

82. «Не приобретаю короткости в знакомстве новом, люди, конечно, к смелой откровенности еще не прибегают, но речи их учтивостью проникнуты, и говорят они с любезностью, чарующей сердца.

83. Беседою своею посему благоволи ты сделать так, о господин, чтоб не бесплодным было возрастанье в нашем сердце на откровенность радостной надежды!»

В ответ на эти слова Сумукха, военачальник лебедей, учтиво поклонившись царю, сказал:

84. «С тобой, царем, Махендром равным, беседа - праздник, мыслю я! И чьи желанья не превзойдешь ты, проявляя дружелюбие свое?»

85. Когда беседуют столь дружелюбно и приятно два государя - царь людей и повелитель птиц, то в их беседу вмешиваться дерзко слуге - не будет разве непристойно?»

86. И этот образ действий разве добрым воспитаньем не рожден? То зная, как бы мог в беседу я вмешаться? Я и хранил молчание, великий государь, по сей причине; и если следует просить прощенья мне, то ты меня прости!»

В ответ на это царь с великой радостью и удивлением на лице, выражая свое одобрение Сумукхе, сказал:

87. «По справедливости молва о добродетелях твоих пленяет мир! По справедливости ты назван другом царя пернатых! Подобную ведь скромность и совершенство повеленья несовершенный дух и сердце не проявят!»

88. Поэтому начавшаяся дружба между нами уж больше не расстроится теперь, я в то глубоко верю; приязнь - то благородных единенье!»

И Бодхисаттва, видя глубокое желанье дружбы со стороны того царя и прославляя его наклонность к проявлению любви, сказал:

89. «Что сделать может только близкий друг, то сделал ты для нас, о государь, хотя приязнь меж нами и нова: своей души великой указаниям ты следовал!»

90. И кто б, о царь, к тебе не привязался сердцем от обращения такого твоего, проникнутого уваженьем и любовью, как то, которое здесь к нам ты проявил?

91. Какую пользу от меня, высокий повелитель, ожидаешь? Как велика та польза? Царь, твердый в добродетели! Ты проявленьем этой добродетели гостеприимству положил начало несомненно!

92. Не чудо ль это, что в тебе, и душу собственную победившем, на благо подданных столь твердо преданном цареву долгу, и в подвиги и в созерцанье погруженном, как отшельник, в согласии с своей природой все добродетели живут?

93. Своею славой добродетели приятны, и не в греховных дебрях обитает благодать; то зная, качество греха и добродетели познав, кто, коли он разумен, от собственного блага станет отклоняться?

94. И положения такого не достигает царь ни доблестью, ни силою богатства, ни счастьем в управленьем мудром, какого, добродетель соблюдая, он достигает без усилий и затрат.

95. Ведь к добродетелям богов владыки счастье взоры обращает; возвысившихся добродетелью смирение сопровождает; из добродетелей проистекает слава так же, как и величие высокое на добродетелях покоится всегда.

96. И злобою, тщеславием, высокомерием ожесточенные, всегда великою враждою опьяненные сердца врагов и те смягчают добродетели, превосходящие своею прелестью сияние луны.

97. По сей причине, о земли хранитель, ты, охраняя землю с ее склонившимися пред твоим величием высокомерными царями, великой красотой скромности и добродетелей других во всем живущем к добродетели влеченье пробуждай.

98. Достойнейшая цель царя - народа благо, ведь это путь к благополучию обоим⁸, и будет так оно, когда закону предан царь: ведь поведению царя народ весь следует!

99. Так справедливо охраняй ты землю, и да подаст тебе защиту тридцати владыка⁹. Теперь же ухожу я с глаз твоих, хотя они дают блаженство тем, стоит кто перед ними; меня зовет несчастье моей стаи».

И царь, радостно приветствовав эти слава Бодхисаттвы и вместе со свитою своею предварительно почтив его приятными речами, исполненными глубокого уважения, отпустил

этих обоих прекрасных лебедей. И Бодхисаттва, поднявшись в небеса, блиставшие ясной осенней красою как темно-синий, без пятнышка, клинок меча, и сопровождаемый, как бы своим отражением, Сумукхой, военачальником лебедей, присоединился к своей стае, своим появлением доставив лебедам величайшую радость.

100. И, снова прилетев к царю однажды, тот лебедь, полный состраданья к ближним, беседовал с ним о святом законе и был почтен владыкою земли, в смирении склонившимся пред ним.

Таким образом, «злые неспособны следовать поведению добродетельных, даже впадших в несчастье, а тем более пребывающих в благополучии». [Таким образом, прекрасная речь приносит благо обоим¹⁰. С этими словами следует приводить это в восхваление прекрасного слова. Также должно привести это в рассказе о прекрасном друге. «Те, кто имеет прекрасных друзей, даже в беде преуспевают», а также свидетельствуя, что благородный Ананда еще в прежних рожденьях был спутником: «Таким образом Ананда, бывший спутником Бодхисаттвы, в течение долгого времени проявлял любовь и глубочайшее уважение к владыке».]

Примечания:

- 1 Манаса - озеро в Гималаях, почитаемое священным
- 2 Брахмадатта в палийских джатаках часто упоминается как царь Каши, при котором происходили события, изображаемые в джатаках. Поскольку все эти события относятся к самым различным временам, возможно, что Брахмадатта было династическим именем царей Каши.
- 3 Здесь перечисляются различные виды лотосов и водяных лилий: палма - чаще всего так называют цветок лотоса *Nelumphaea specie* sum*; утпала - голубой лотос *Nymphaea Caerulea*; кумуда - белая водяная лилия *Nymphaea Esculenta* или же красный лотос *Nymphaea rubra*, пундарика чаще всего обозначает белый лотос; саугандхика - «ароматная», белая или голубая водяная лилия; тамараса - дневной лотос; кахлара - белая водяная лилия *Nymphaea Lotus*.
- 4 В оригинале в этой строфе непереводаемая игра слов, основанная на различных значениях слова *manasa* - «сердце» и название озера.
- 5 Вариант перевода: «дхарма, как должно почитаемая».
- 6 Нишадец - часто упоминаемое в источниках неарийское племя нишада, которое существовало за счет охоты и рыбной ловли.
- 7 Махендра - «великий Индра», эпитет Индры-Шакры.
- 8 «...К благополучию обоих...» - народа и царя или же, по другому толкованию, в обоих мирах.
- 9 Владыка тридцати - Шакра.
- 10 «...Приносит блага обоим...» - говорящему и слушающему.